

**ИЗ КНИГИ
«САТИРЫ»**

ЛАМЕНТАЦИИ

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Пересматривать эстампы
И по клавишам бренчать, —

Щекоча мозги и чувство
Обаяньем красоты,
Лить душистый мед искусства
В бездну русской пустоты...

В книгах жизнь широким пиром
Тешит всех своих гостей,
Окружая их гарниром
Из страданья и страстей:

Смех, борьба и перемены,
С мясом вырван каждый клок!
А у нас... углы да стены
И над ними потолок.

Но подчас, не веря мифам,
Так событий личных ждешь!
Заболеть бы, что ли, тифом,
Учинить бы, что ль, дебош?

В книгах гений Соловьевых,
Гейне, Гёте и Золя,
А вокруг от Ивановых
Содрогается земля.

На полотнах Магдалины,
Сонм Мадонн, Венер и Фрин,
А вокруг — кривые спины
Мутноглазых Акулин.

Где событья *нашей* жизни,
Кроме насморка и блох?
Мы давно живем, как слизни,
В нищете случайных крох.

Спим и хнычем. В виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем Бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.

И с утра до поздней ночи
Все, от крошек до старух,
Углубив в страницы очи,
Небывалым дразнят дух.

В звуках музыки — страданье,
Боль любви и шепот грез,
А вокруг одно мычанье,
Стоны, храп и посвист лоз.

Отчего? Молчи и дохни.
Рок — хозяин, ты — лишь раб.

Плюнь, ослепни и оглохни,
И ворочайся, как краб!

.....
Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Перелистывать эстампы
И по клавишам бренчать.

1909

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Вчера мой кот взглянул на календарь
И хвост трубою поднял моментально,
Потом подрал на лестницу, как встарь,
И завопил тепло и вакханально:

«Весенний брак! Гражданский брак!
Спешите, кошки, на чердак...»

И кактус мой — о, чудо из чудес! —
Залитый чаем и кофейной гущей,
Как новый Лазарь, взял да и воскрес
И с каждым днем прет из земли все пуще.

Зеленый шум... Я поражен:
«Как много дум наводит он!»

Уже с панелей смерзшуюся грязь,
Ругаясь, скальвают дворники лихие,
Уже ко мне забрел сегодня «князь»,
Взял теплый шарф и лыжи беговые...
«Весна, весна! — пою, как бард. —
Несите зимний хлам в ломбард».

Сияет солнышко. Ей-богу, ничего!
Весенняя лазурь спутнула дым и копоть,

Мороз уже не щиплет никого,
Но многим нечего, как и зимою, лопать...
Деревья ждут... Гниет вода,
И пьяных больше, чем всегда.

Создатель мой! Спасибо за весну! —
Я думал, что она не возвратится, —
Но... дай сбежать в лесную тишину
От злобы дня, холеры и столицы!
Весенний ветер за дверьми...
В кого б влюбиться, черт возьми?

⟨1909⟩

АНАРХИСТ

Жил на свете анархист,
Красил бороду и щеки,
Ездил к немке в Териоки
И при этом был садист.

Вдоль затылка жались складки
На багровой полосе.
Ел за двух, носил перчатки —
Словом, делал то, что все.

Раз на вечере попович,
Молодой идеалист,
Обратился: «Петр Петрович,
Отчего вы анархист?»

Петр Петрович поднял брови
И, багровый, как бурак,
Оборвал на полуслове:
«Вы невежа и дурак!»

(1910)

ПОШЛОСТЬ

Пастель

Лиловый лиф и желтый бант у бюста,
Безглазые глаза — как два пупка.
Чужие локоны к вискам прилипли густо,
И маслянисто свесились бока.

Сто слов, навитых в черепе на ролик, —
Замусленную всеми ерунду, —
Она, как четки набожный католик,
Перебирает вечно на ходу.

В ее салонах — *все*, толпою смелой,
Содравши шкуру с девственных идей,
Хватают лапами бесчувственное тело
И рьяно ржут, как стадо лошадей.

Там говорят, что вздорожали яйца
И что комета стала над Невой, —
Любаясь, как каминные китайцы
Кивают в такт под граммофонный вой.

Сама мадам наклонна к идеалам:
Законную двуспальную кровать

Под стеганым атласным одеялом
Она всегда умела охранять.

Но, нос суж любовно и сурово
В случайный хлам бесштемпельных «грехов»,
Она читает вечером Баркова
И с кучером хранит до петухов.

Поет. Рисует акварелью розы.
Следит, дрожа, за модой всех сортов,
Копя остроты, слухи, фразы, позы
И растлевая музу и любовь.

На каждый шаг — расхожий катехизис,
Прин-ци-пи-аль-но носит бандажи,
Некстати поминает слово «кризис»
И томно тяготеет к глупой лжи.

В тщеславном, нестерпимо остром зуде
Всегда смешна, себе самой в ущерб,
И даже на интимнейшей посуде
Имеет родовой дворянский герб.

Она в родстве и дружбе неизменной
С бездарностью, нахальством, пустяком.
Знакома с лестью, пафосом, изменой
И, кажется, в амурах с дураком...

Ее не знают, к счастью, только... Кто же?
Конечно — дети, звери и народ.
Одни — когда со взрослыми не схожи,
А те — когда подальше от господ.

Портрет готов. Карандаши бросая,
Прошу за грубость мне не делать сцен:
Когда свинью рисуешь у сарая —
На полотне не выйдет belle Hélène¹.

⟨1910⟩

¹ Прекрасная Елена (фр.). — Ред.

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

Квартирант сидит на чемодане
И задумчиво рассматривает пол.
Те же стулья, и кровать, и стол,
И такая же обивка на диване,
И такой же бигус на обед, —
Но на всем какой-то новый свет...

Блещут икры полной прачки Феклы.
Перегнулся сильный стан во двор.
Как нестройный, шаловливый хор,
Верещат намыленные стекла,
И заплаты голубых небес
Обещают тысячи чудес.

Квартирант сидит на чемодане.
Груды книжек покрывают пол.
Злые стекла свищут: эй, осел!
Квартирант копается в кармане,
Вынимает стертый четвертак,
Ключ, сургуч, копейку и пятак...

За окном стена в сырых узорах,
Сотни ржавых труб вонзились в высоту,
А в Крыму миндаль уже в цвету...

Вешний ветер закрутился в шторах
И не может выбраться никак.
Квартирант пропьет свой четвертак!

Так пропьет, что небу станет жарко.
Стекла вымыты. Опять тоска и тишия.
Фекла, Фекла, что же ты молчишь?
Будь хоть ты решительной и яркой:
Подойди, возьми его за чуб
И ожги огнем весенних губ...

Квартирант и Фекла на диване.
О, какой торжественный момент!
«Ты — народ, а я — интеллигент, —
Говорит он ей среди лобзаний. —
Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоем,
Я тебя, а ты меня — поймем...»

⟨1909⟩

ОТЪЕЗД ПЕТЕРБУРЖЦА

Середина мая, и деревья голы...
Словно Третья Дума делала весну!
В зеркало смотрю я, злой и невеселый,
Смазывая йодом щеку и десну.

Кожа облупилась, складочки и складки,
Из зрачков сочится скука многих лет.
Кто ты, худосочный, жиденъкий и гадкий?
Я?! О нет, не надо, ради Бога, нет!

Злобно содрогаюсь в спазме эстетизма
И иду к корзинке складывать багаж:
Белая жилетка, Бальмонт, шипр и клизма,
Желтые ботинки, Брюсов и бандаж.

Пусть мои враги томятся в Петербурге!
Еду, еду, еду — радостно и вдруг.
Ведь не догадались думские Ликурги
Запрещать на лето удирать на юг.

Синие кредитки вместо Синей Птицы
Унесут туда, где солнце, степь и тиши.
Слезы увлажняют редкие ресницы:
Солнце... Степь и солнце вместо стен и крыш.

Был я богоборцем, был я мифотворцем
(Не забыть панаму, плащ, спермин и «код»),
Но сейчас мне ясно: только тошнотворцем,
Только тошнотворцем был я целый год...

Надо подписаться завтра на газеты,
Чтобы от культуры нашей не отстать,
Заказать плацкарту, починить штиблеты
(Сбегать к даме сердца можно нынче в пять).

К прачке и в ломбард, к дантисту-иноверцу,
К доктору — и прочь от берегов Невы!
В голове — надежды вспыхнувшего сердца,
В сердце — скептицизм усталой головы.

1908

ЖЕЛТЫЙ ДОМ

Семья — ералаш, а знакомые — нытики,
Смешной карнавал мелюзги,
От службы, от дружбы, от прелой политики
Безмерно устали мозги.

Возьмешь ли книжку — муть и мразь:
Один кота хоронит,
Другой слюнит, разводит грязь
И сладострастно стонет...

Каждый день по ложке керосина
Пьем отраву тусклых мелочей...
Под разврат бессмысленных речей
Человек тупеет, как скотина...

Есть парламент, нет? Бог весть,
Я не знаю. Черти знают.
Вот тоска — я знаю — есть,
И бессилье гнева есть...
Люди ноют, разлагаются, дичают,
А постылых дней не счасть.

Где наше — близкое, милое, кровное?
Где наше — свое, бесконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

⟨1908⟩

ЗЕРКАЛО

Кто в трамвае, как акула,
Отвратительно зевает?
То зевает друг-читатель
Над скучнейшую газетой.

Он жует ее в трамвае,
Дома, в бане и на службе,
В ресторанах, и в экспрессе,
И в отдельном кабинете.

Каждый день с утра он знает,
С кем обедал Франц-Иосиф
И какую глупость в Думе
Толстый Бобринский сморозил...

Каждый день, впиваясь в строчки,
Он глупеет и умнеет:
Если автор глуп — глупеет,
Если умница — умнеет.

Но порою друг-читатель
Головой мотает злобно
И ругает, как извозчик,
Современные газеты.

«К черту! То ли дело Запад
И испанские газеты...»
(Кстати — он силен в испанском,
Как испанская корова.)

Друг-читатель! Не ругайся,
Вынь-ка зеркальце складное.
Видишь — в нем зловеще меркнет
Кто-то хмурый и безликий?

Кто-то хмурый и безликий,
Не испанец, о, нисколько,
Но скорее бык испанский,
Обреченный на закланье.

Прочитай: в глазах-гляделках
Много ль мыслей, смеха, сердца?
Не брани же, друг-читатель,
Современные газеты...

⟨1908⟩

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ КНИГИ «САТИРЫ»

Ламентации	7
Пробуждение весны	10
Анархист	12
Пошлость. Пастель	13
Крейцерова соната	16
Отъезд петербуржца	18
Желтый дом	20
Зеркало	22
Споры	24
Интеллигент	26
Отбой	28
Новая Цифра. 1910	30
Бессмертие	33
Утешение («Жизнь бесцветна? Надо, друг мой...»)	34
Два желания	
1. «Жить на вершине голой...»	36
2. «Сжечь корабли и впереди, и сзади...»	36
Всероссийское горе	37
Совершенно веселая песня. Полька	40
Окраина Петербурга	42
На открытии выставки	44
Пасхальный перезвон	46
Ночная песня пьяницы	47

Городская сказка («Профиль тоньше камеи...»)	49
Европеец	52
Продолжение одного старого разговора	54
В редакции «толстого» журнала	64
«Смех сквозь слезы». (1809–1909)	67
Недоразумение	70
Нетерпеливому	72
Недержание	73
Юмористическая артель	74
«Молил поэта Блок-поэт...»	77
Честь	79
Вешалка дураков	
1. «Раз двое третьего рассматривали в лупы...»	80
2. «„Кто этот, лгущий так туманно...“»	80
3. «Ослу образованье дали...»	80
4. «Дурак рассматривал картину...»	81
5. «Умный слушал терпеливо...»	81
6. «Дурак и мудрецу порою кровный брат...»	81
7. «Пусть свистнет рак...»	82
⟨Из зеленой тетрадки⟩	
1. «Холодный ветер разметал рассаду...»	83
2. А. Рославлев	83
3. «Почему-то у „толстых“ журналов...»	83
4. Читатель	84
5. Стилизация	84
6. Тонкая разница	84
7. «Немало критиков сейчас...»	85
8. В альбом Брюсову	85
«Жестокий бог литературы!..»	86
Победа	88
Волк и баран. (Из Виктора Бушэ)	91

Молитва	92
Веселая наглость	93
К Женскому съезду. (Декабрь 1908)	95
Бульвары	97
На славном посту	99
Шкатулка провинциального «cabalero». (Опись) ..	101
На галерке. (В опере)	102
Лошади	103
Из гимназических воспоминаний	105
Первая любовь	107
На музыкальной репетиции	109
На реке	111
Под сурдинку	113
Песнь песней. Поэма	115
Весна мертвцевов	120
Бегство	122
В оранжерее	124
Экзамен	126
В усадьбе	128
Карнавал в Гейдельберге	130
Улица в южногерманском городе	133
Театр	135

ИЗ КНИГИ «САТИРЫ И ЛИРИКА»

В пространство	139
Санкт-Петербург	141
В пассаже	143
У канала ночью	144
Бирюльки	145
В деревне	147
Консерватизм. Миниатюра	149

Пища	150
Сообща	152
Пряник	153
Песня	154
Праздник («Гиацинты ярки, гиацинты пряны...») ..	156
Рождение футуризма	158
Современный Петрарка	159
«Безглазые глаза надменных дураков...»	161
Русское	163
В детской	166
Анемоны	167
Несправедливость	168
Признание	170
«Любовь должна быть счастливой...»	171
Амур и Психея	172
Наконец!	174
Ошибка («Это было в провинции, в страшной глуши...»)	178
Факт	180
«Дурак»	182
Любовь не картошка. Повесть	184
Городской романс	187
В Александровском саду	188
На Невском ночью	189
В немецкой Мекке	
1. Дом Шиллера	190
2. Дом Гёте	191
3. На могилах	192
В ожидании ночного поезда	195
Философы	197
Рынок	198
Кельнерша	200

313

«В полдень тенью и миром полны переулки...»	202
«В чужой толпе...»	204
«Солнце жарит. Мол безлюден...»	206
В Крыму	208
Дождь	209
«Почти перед домом...»	210
Возвращение	211
«Еле тлеет погасший костер...»	212
Белая колыбель	213
Сумерки	214
На пруду	215
На санках с гор	216
«Неподвижно-ленивые кости...»	218
«Я конь, а колено — седельце...»	219
Зирэ	220
Пьяная песня	221
Тифлисская песня	223
Ленивая любовь	225
В Тироле	227
«На веранде кромешная тьма...»	229
Над морем	231
Лукавая серенада	232
На кладбище	234
Снегири	235
Из Флоренции	236
Осень в горах	237

ИЗ КНИГИ «ЖАЖДА»

Песня войны	241
Сборный пункт	243
На фронт	244

Репетиция	245
На этапе	247
Солнце («На грязь вдоль панели...»)	248
«На берлинском балконе...»	250
Мираж	252
«Здравствуй, Муза! Хочешь финик?...»	254
«Тех, кто страдает гордо и угрюмо...»	256
Весна на Крестовском	257

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ САТИРИКИ И ЛИРИКИ

«Пусть злое насилие царит над землей...»	261
Новогодние предсказанья	263
Жалобы обывателя	265
Слишком много	267
«Мы скились с богами и сказками...»	269
«Эпохе черной нашей нужен...»	271
Воробышная элегия	273
«Консьержке дай и почтальону тоже...»	275
«Сатирикон» (Памяти Аркадия Аверченко) ..	277
Мой роман	280
Парижские частушки («Ветерок с Бульвар-Мишеля...»)	282
У Сены	285
Ночные ламентации	286
Парижские частушки («Эх ты, кризис, чертов кризис!...»)	288

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Детям	293
Приготовишка	295
Поезд	297

315

Цирк	299
Приставалка	302
На коньках	303
Жеребенок	304
Попка	305
Кто?	306
Сверчок	307
Лягушки	308
Зеленые стихи	309

Черный С.

Ч 49 Городской роман : стихотворения / Саша Черный. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 320 с. — (Азбука-поэзия).

ISBN 978-5-389-20345-7

Александр Гликберг вошел в историю русской литературы как Саша Черный. Взяв в молодости такой псевдоним, поэт не раз пожалел об этом и со временем (позвролев и поседев) стал подписывать свои стихи как «А. Черный», но по-прежнему оставался для всех Сашей. Он приобрел широкую известность благодаря стихотворным фельетонам, которые печатались в знаменитом журнале «Сатирикон», возглавляемом Аркадием Аверченко. По свидетельству К. И. Чуковского, «получив свежий номер журнала, читатель прежде всего искал в нем стихов Саши Черного. Не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые бы не знали их наизусть». В его творчестве тесно переплетены тонкая лирика и сатира, язвительность стихов, написанных на злобу дня, и мягкость, сентиментальность произведений для детей. В настоящем издании публикуются стихотворения Саши Черного разных лет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

Литературно-художественное издание

САША ЧЕРНЫЙ
ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Редактор Алла Степанова

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректоры Ольга Золотова, Юлия Теплова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.10.2021. Формат издания 70 × 100 $\frac{1}{32}$.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 12,9.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-PTR-29196-01-R